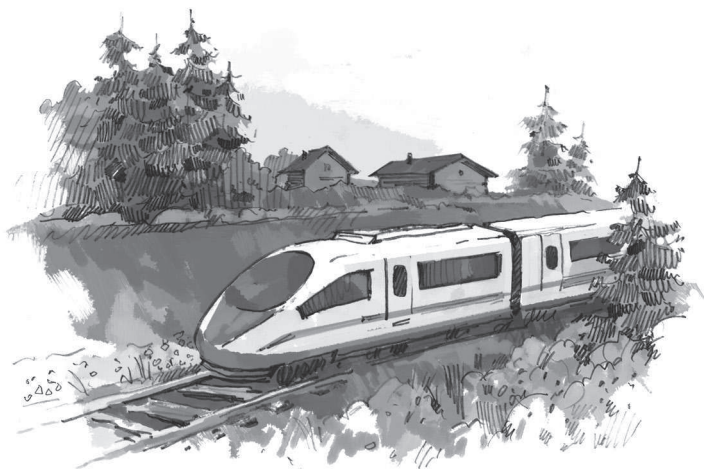

Женские судьбы.
Уютная проза
Марии Метлицкой

Мария Метлицкая

Стоянка поезда
всего минута

Москва
2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление серии
и иллюстрация на переплете *П. Петрова*

Метлицкая, Мария.
М54 Стоянка поезда всего минута / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2021. — 320 с.

ISBN 978-5-04-116930-5

Жизнь очень похожа на стремительно мчащийся поезд. Мелькают леса, поля, станции. Не успеешь оглянуться — тебе уже далеко за... и ты прекрасно понимаешь, что шансы на устройство личной жизни стремительно тают. И если появился «приличный человек», готовый повести тебя в загс, надо соглашаться.

Лиза давно была в разводе. Брак, заключенный по огромной любви, развалился, как только любовь прошла. Все в ее жизни было спокойно и размеренно: взрослая дочь, любимая работа, встречи с подругами, выставки и спектакли. Но вот появился Денис — мечта любой женщины: верный, честный, романтичный ровно настолько, насколько прилична в их с Лизой возрасте романтика. Все вокруг уговаривают Лизу не упустить удачу, прыгнуть в последний вагон.

Но почему ей так трудно принять решение?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116930-5

© Метлицкая М., 2021
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Стоянка поезда всего минута

Пройдя обязательный досмотр, Лиза глянула на часы и замедлила шаг: «Уф, успеваю!» Все-таки правильный выбор — метро. Подземка, и только подземка, иначе ничего не рассчитать. Модное слово «трафик» прочно и навсегда вошло в жизнь москвичей.

До отправки поезда оставалось почти пятнадцать минут. Точнее, тринадцать. Серо-красный красавец «Сапсан» уже стоял на положенном месте. Задержек с ним не бывает. Лиза шла по перрону, поглядывая на себя в отражении чистейших, сверкающих окон. «А еще ничего, — усмехнулась она, — для моих «баба ягодка опять» вполне себе вполне, как говорила мама». Это выражение давно стало семейным. Да, вполне себе вполне! Прямая спина, гордая посадка головы, особенно если выпрямить спину и чуть откинуть голову назад. Мама, бывшая балерина, дочке спуску не давала: «Спина, Лизка, спина! И шея! Держи спину и будешь царицей!»

Животик к спине не прилипает, только если втянуть. Но совсем чуть-чуть, без напряжения. Подумаешь! Она не девочка, а рожавшая женщина. В каком-то журнале Лиза прочла, что идеальный женский живот

выглядит как перевернутая суповая тарелка. Выходит, у нее все отлично. Да, все отлично — и волосы, покрашенные в рыжину, и кожа. И ноги — балетные, мамины, длинные и сильные. Повезло. А вот все остальное от папы: широкая кость, крупная кисть, не узкие плечи.

— Шурик, тебе не скрыть деревенского происхождения! — шутила мама.

— А я и не пытаюсь, — обижался отец.

Из-за этой широкой кости Лизу не взяли в балет. Как ни упрашивала мама знакомых на приемной комиссии, ей твердо ответили «нет». Слишком высокая, слишком крупная, слишком широкая.

А Лиза и отец были счастливы — ура! Ура, что не взяли! Видели мамины муки и пахоту — нет уж, извините! И вечные страдания по поводу недоставшейся партии, и интриги, и зависть — все темное закулисье. В общем, Лизе повезло — в балет она не стремилась.

Дорожная сумка оттягивала руку. И мама, и дочь уговаривали ехать с чемоданом. Но даже самый маленький чемодан был бы полупустым — ее поездки в Питер, как правило, были двухдневными.

Лиза подошла к восьмому вагону и окончательно успокоилась. Проводница, похожая на стюардессу, проверив электронный билет, улыбнувшись, пожелала хорошей поездки.

Лиза зашла в вагон и стала пристраивать дорожную сумку. «Да, мои правы, надо было брать чемодан! Вещей, как всегда, набралось. Это в молодости можно было сорваться в чем была, что на тебе надето! Но не сейчас».

Сколько же всего женщине надо! Кремы, дневной, ночной и под глаза. Крем для рук. Лосьон для снятия макияжа. Духи, дезодорант. Салфетки влажные и сухие. Лак и смывка для лака — вдруг ноготь облезет или того хуже сломается. Брашинг для укладки. Слава богу, отпала потребность возить с собой фен — в гостиницах он был всегда. Две пары трусиков, два лифчика. Ночнушка — Лиза усмехнулась, — хотя навряд ли она понадобится. Но на всякий случай: Питер город промозглый, а она большая мерзлячка. Ну и таблетки — от головной боли, от живота, от женских проблем. Теперь она ездила с полным набором.

А еще одежда. Две смены уж точно — легкое, теплое, туфли на каблуке, балетки, любимые джинсы, нарядное платье. Плюхнувшись в удобное кресло и сбросив туфли, Лиза вытянула уставшие ноги — она всегда брала место у окна. Эти четыре часа в «Сапсане» она обожала. Отдых, передых, пауза — как вам угодно! Но за эти четыре часа можно расслабиться и постараться ни о чем не думать. Правда, мысли всегда лезли в голову. Но подремать, почитать журнал, покопаться в телефоне, попить кофе — все это можно! А главное — не бежать, не торопиться. В общем, счастье.

Да, конечно, у нее бывают выходные. Но в эти дни ее ждут обычные хозяйственные дела: уборка, стирка и глажка, магазины, обед для Маруськи, хотя бы дня на три. У плиты Лиза старалась не задерживаться, считая, что тратить время на готовку — занятие пустое и непродуктивное. По-быстрому сделать что-нибудь легкое, например, запечь лосось или курицу,

сварганить супчик, овощной или куриный. В общем, суббота проходила в домашних хлопотах. А вечером поездка к маме, иначе не сносить головы.

В воскресенье наконец можно отоспаться, отваяться до ломоты в спине, долго и bestолково бродить по квартире, застывать у окна и снова мечтать об одном – рухнуть в родную кровать. Но вряд ли – как правило, объявлялись Сонька или Дашка, и начинались уговоры. Сонька вопила, что надо пойти в кабак, чтобы почувствовать себя женщиной. Да, да, нарядиться, накраситься, встать на каблуки и – вперед, под обстрел мужских взглядов!

– Какой там «обстрел»! – пыталась остановить ее Лиза. – Ты спятила? Мы ж почти бабушки! И уж точно тетки! Ты оглянись, сколько вокруг молодых! Обстрел! Рассмешила.

Но засидевшаяся дома с детьми подруга продолжала настаивать.

Сонька не работала, у нее имелся небедный и успешный муж. Дом ей надоел до чертиков, несмотря на домработниц и нянь, ну и вообще Сонька давила. Всегда. Спротивляться ей было сложно.

Лизе, ежедневно наряжавшейся, ежедневно встающей на каблуки и ежедневно накладывающей макияж, хотелось побыть дома. В халате и тапках, с умытым лицом.

Дашка, разумеется, предлагала культурную программу – концерт или выставку, театр или на крайний случай кино. Она злилась:

– Твоей Соньке только б пожрать! Нет, Лиз! Мы же приличные женщины – сначала пир духа, а уж потом все остальное. Вот после культурной программы

можно зайти в кондитерскую и выпить кофе с пирожными.

Дашка была одинокой, ни мужа, ни детей. Деньги, конечно, считала — сколько зарабатывает врач в поликлинике? Жизнь Лизиных задушевных подруг — Дашка — со школы, а Сонька и того раньше, с самого детства, с детского сада, — была такой разной. Какое там понимание!

Впрочем, Дашка всегда злилась на Соньку, презрительно называя ее нуворишкой. Лучшие подруги, они ревновали друг друга всю жизнь. И вечно делили бедную Лизу.

Сонька была громкой, напористой, даже нахальной. Дашка настаивала, что все это деньги. Именно деньги сделали Соньку такой. Лиза считала, что деньги ни при чем. Уже в четыре года Сонька, коренастая, плотная, была заводилой и командиром, самой напористой, громкой и непослушной в детсадовской группе. От отца-армянина ей достались черные, как южная ночь, глаза, смоляные густые волосы и выдающийся нос. Впрочем, нос она исправила как только закончила школу.

Сонька росла в достатке — папа дантист, мама бухгалтер. И где — в самом ГУМе. У Соньки всегда были лучшие тряпки, лучшие курорты и лучшая еда в холодильнике. Она не знала, что такое жить на зарплату.

Дашка — полная противоположность. Тихая, скромная, молчаливая. Пепельная блондинка с серыми глазами, худенькая, как веточка.

Дашка жила с мамой, тихой и скромной женщиной, корректором в журнале «Работница». Жили они более чем скромно — что там зарплата корректорши?

Дашка с гордостью говорила: «Мы не из тех, кто *умеет* жить!» Лиза понимала, что это камень в Сонькин огород.

Сонька рано вышла замуж — сосватали армянские родственники. Сосватали очень удачно — муж, не без помощи обеспеченной родни, большого и дружного клана, быстро разбогател, и через два года Сонька стала владелицей хором на Сретенке и коттеджа на Новой Риге. Двухкомнатный кооператив в районе Калужской, построенный папой-дантистом, продавать не пришлось — зачем, денег хватало. Его оставили «на потом», «для девочек», Сонькиных дочек — Анаит, которую все звали Анькой, и Дианки. Обе получились красотками. Сонька ныла, что дети забрали ее молодость и лучшие годы, жила в вечной войне с прислугой и нянями, дни проводила в салонах красоты и магазинах, а вечером падала с ног: «Как я устала!»

Сонька воплотила в себе все черты новых русских жен, но яростно от этого отбивалась: «Я? Да вы что? Идиотки!»

В Соньке многое раздражало — и фанфаронство, и нахальство, и нежелание знать, что бывает не так, по-другому. Но Сонька была частью жизни, счастливым детством, закопанными секретиками с разноцветной фольгой, с коллекцией картинок от жвачки и жаркими вральными перешептываниями во время тихого часа — Сонька всегда была фантазеркой. И еще она была доброй, отзывчивой, готовой в ту же минуту прийти на помощь. И не была болтливой — прекрасное качество!

Дашка жила в Сокольниках, в квартире, завещанной бабушкой. У нее время от времени случались не-

большие романы, но чтобы серьезно, до ЗАГСа, увы, не случилось.

После тридцати Лиза и Сонька уговаривали Дашку родить. Но та отвечала жестко:

— Без отца? Никогда. Я сама росла без отца и помню все свои комплексы.

Глупость, конечно.

Вот Лизин отец, здоровый и крепкий спортивный мужчина с отличными, как все считали, деревенскими генами, скоропостижно скончался, когда ей было пятнадцать.

На похороны съехала вся подмосковная родня, и кто-то сказал — Москва его ваша сломала, переломила хребет.

Глупости. Отец обожал город и быстро в нем прижился. Да и деревенским простачком он не выглядел — высокий, благообразный, фактурный мужчина.

Кажется, мама его всегда ревновала.

После его ухода и Лиза и мама были раздавлены — как же так? Отец был всегда силой, защитой, кормильцем.

Спустя четыре года Лизина мать неожиданно вышла замуж за старого поклонника, скрипача из театрального оркестра, вдовца. Обиду свою Лиза скрыла, понимая, что она скоро уйдет в свою жизнь, оторвется, и мама останется совершенно одна.

Скрипач был человеком тихим и Лизу не беспокоил, но его присутствие в квартире, где раньше жил папа, было невыносимым. В девятнадцать Лиза выскочила замуж, но не для того, чтобы сбежать из дома, а по огромной любви.

После свадьбы, дурацкой и пышной, сытой и пьяной, купеческой, молодые, на радость скрипачу, сразу уехали в квартиру молодого мужа — на выселках, у самой Кольцевой, зато в свою. Спасибо свекрам.

Лиза глянула на часы — до отправления поезда осталось всего три минуты. Через три минуты поезд отправится, а через четыре часа с небольшим она выйдет на Московском вокзале.

Лиза прикрыла глаза, но тут же открыла — на соседнее сиденье кто-то плюхнулся. Не сел, а именно плюхнулся, с громким вздохом и ворчливым бурчанием.

Лиза глянула на ворчунью — это была ярко-рыжая, очень худая, даже костлявая, женщина с бледным, острым лицом, усыпанным редкими, крупными и темными веснушками. Рыжие волосы были закручены в небрежную гульку, на лице ни грамма косметики, руки некрасивые, натруженные, рабочие. В общем, тетенька не из офисных. Старые, провисшие на заднице джинсы и простая, «бесхитростная», как сказала бы мама, майка, выгоревшая, блеклого сиреневатого цвета, промокшая под мышками.

Незнакомка еще долго ерзала, суетливо перекладывая сумку с места на место, пару раз бегло глянула в телефон и наконец уgomонилась, достала из сумки салфетку и вытерла влажное от пота лицо.

— Еле успела! — доверчиво поделилась она. — Пряма задрали!

Кто «задрал» Рыжую — так Лиза окрестила соседку, — уточнять не хотелось. Вежливо кивнув, она отвернулась к окну.

Уже тронулся поезд, а два места напротив по-прежнему оставались незанятыми.

Завибрировал выключенный телефон – Маруська.

– Мам, ты уже в поезде?

– Уже тронулись.

– Кто тронулся? – сострила Маруська.

– Да все, – в тон ей ответила Лиза. – Я, кажется, точно.

– Ты – нет, – уверенно ответила дочь. – Ты, мам, в порядке! И вообще, расслабляйся и отдыхай! Ни о чем не думай, слышишь? Короче, на все забей!

– Слышу. Но думать буду – прости. Да, Маруся! Бабушке позвони, сегодня и завтра, не забудь, ты меня слышишь?

– Слышу, – недовольно буркнула дочь. – Как же, забудешь! Бабушка тут же напомнит!

Последнюю фразу Лиза оставила без комментариев – бесполезно. Бабушка и внучка расходились по многим вопросам. «Теряется связь поколений», как говорила умная Дашка.

– И еще, – взмолилась Лиза, – Мань, чтоб без погромов. Чтоб все культурненько, слышишь?

– Мам, хватит, а? – Маруська почти обиделась. – Когда это, интересно, были погромы?

– Всегда, – грустно ответила Лиза.

Хмыкнув, Маруська припечатала:

– Ага! Мам, ну ты в старости стала как бабушка, просто один в один. – И тут же разъединилась.

«В старости! Вот же засранка! Не дождетесь! Я вам еще покажу! И я, между прочим... невеста!»

В эту минуту к ним подошла еще одна попутчица. Женщина неопределенного возраста, Лиза

назвала бы ее так. Есть такие — не поймешь, тридцать, тридцать пять или сорок. А может, и сорок пять.

Ухоженная, модная, одета скромно, но дорого, в этом уж Лиза разбиралась прекрасно. Новая соседка была немного полновата — совсем чуть-чуть, пара лишних кило, — слегка и умело подкрашена, на красивых, ухоженных руках неброский маникюр. На ней были легкие серые льняные брюки и черный шелковый топик. Скромные серьги в ушах, пара невзрачных, на первый и неопытный взгляд, колец. Но колечки были от Картье, а серьги от «Шопард». Лизу, рекламщика в глянцево-м журнале, на мякине не проведешь. И часики тоже не отставали — в переносном, конечно же, смысле. Скромные часики тысяч за десять, не меньше, зеленых. Образ завершали черная сумка «Фурла» и черные замшевые туфли. В общем, тонко, со вкусом и явно недешево. Лицо неброское, довольно блеклое, очень бледное, но миловидное. Накрась по сильнее — будет красавица. На таких лицах можно нарисовать все что угодно.

Не суетясь, дама уселась и принялась смотреть в окно. «Само спокойствие, сама уверенность, само достоинство, — подумала Лиза. — Чувствуется, что у нее все хорошо. Приятная. С ней точно не будет хлопот, в отличие от Рыжей». И Лиза назвала новую попугайчицу Бледной.

А Рыжая ни на минуту не успокаивалась — по-прежнему ерзала тощим задом, яростно тыча короткими пальцами в телефон, строчила бесконечные эсэмэс, что-то бурчала, вздыхала, закатывала глаза и нервно поглядывала на Лизу — видимо, хотела общения. «Ну

и бог с ней, — подумала Лиза и закрыла глаза. — Вот что-что, а общаться мне точно не хочется».

Мысли тут же полезли, как из рога изобилия. Конечно же, милая дочь, как всегда, соберет большую компанию. Нет, Лиза все понимает — когда мама уезжала на гастроли, она тут же приглашала народ. Молодость, бьющие фонтаном силы, жажда общения. Только бы убрали за собой и не валялись на моей кровати. Но понимала, что все будет ровно наоборот.

А как мечталось отключиться и ни о чем не думать — ни о компании Марусиных друзей, ни о Дашке, кажется, впавшей в депрессию, ни о маме, постоянно жалующейся на скрипача и болячки, ни о работе и проваленных переговорах — с французами всегда тяжело. Лиза вспомнила и усмехнулась: «А правильно сказала Рыжая: как все задрали!» Вот бы отключить голову, выключить тумблер на пару часов. Но голову, как телефон или плиту, не отключишь. И мысли лезли, толкались, опережая друг друга, наскокивали и отскакивали, как резиновые мячики, и снова набегали, словно прибрежная волна.

«Подремать бы, — с тоской подумала Лиза. — Но вряд ли получится».

Денис. Да, Денис. Несомненная, по словам Соньки и мамы, удача. Самая большая удача в Лизиной жизни. Удача, с этим не поспоришь — в сорок пять встретить молодого, симпатичного, успешного да и к тому же разведенного, свободного мужчину. Любая женщина мечтала бы оказаться на ее месте. И она это понимает. Только вот...

«Все, все, хватит. Хватит привередничать, вредничать и ворчать. Сонька права, ты счастливица. Нам